

Я хочу рассказать вам об актрисе... О замечательной актрисе! Талантливой, в совершенстве владеющей актерским мастерством. В большой деревне Сrostки, где родился писатель Василий Шукшин, да и по всему Чуйскому тракту ее зовут Алтайской Мадонной.

Я хочу рассказать вам об актрисе, которая умеет мыть, стирать, убирать, полскать белье в ледяной реке, носить воду на коромысле, солить грибы, колоть дрова, полоть, варить, кормить... Да все она умеет, актриса, и не «понарошке», не для кино, а по жизни, по природе своей — крестьянской, народной.

Когда она идет по московским улицам, все поглядывают на нее, узнавая или просто любуются стройностью, легкостью, милым взором. Когда она стояла прошлым летом на деревенской улице, около дома, где жила, пока шли съемки, шофер притормозил около нее грузовик: «Баба, тебе уголь не нужен?» Она одернула ватник, платок поправила: «Нужен. Уголь всегда нужен». И пошла показы-

Л. Зайцева, заслуженная артистка РСФСР (кадр из фильма «Праздники детства»).

ДУША

вать, где сгружать. Когда она сыграла Анну — главную роль в фильме по роману-эпопее Георгия Маркова «Строговы», зрители писали: «Вот актриса, которая воплотила образ воистину русской женщины... Через все трудности Родины проходит такая женщина, вынося их на своих плечах. Работать умеет за троих, самоотверженная, верная, любящая. Коли заплачет такая женщина, значит, вправду беда. Но и слезам она умеет не давать воли. Очень сильна она духом».

А сама актриса, вспоминая «Строговы», говорит, что это были очень счастливые дни. Огромное впечатление произвел на нее роман Георгия Маркова — она читала его дважды, вдумываясь, постигая глубины. Что до главной героини... Это была ее героиня — родная душа. Актриса сердцем понимает, как быть любимой в тяжелое для страны, для любимого человека время. Как быть женой, хозяйкой, матерью, чтобы весь дом на тебе держался, чтобы никакие ураганы и ветры не поколебали его.

В фильме «Строговы» она сыграла женщину с очень сильным, очень настоящим характером. Но к этому времени она была уже знаменитой. Еще когда играла главную героиню фильма «Цемент» по роману Ф. Gladкова. Дашу Чумалову, на улице останавливали, автографы просили... Наверно, слава пришла к ней после главной роли в «Здравствуй и прощай» — незабываемая пара: она и Ефремов. Была главная роль в фильме «Долги наши» и «Ксения — любимая жена Федора», главная — в фильме «Дождь в чужом городе» и «Кадкина всякий знает», одна из самых любимых ролей в фильме «А зори здесь тихие»... Был «Транзит», «Побег», «Остановился поезд»...

Я хочу рассказать вам об актрисе, которая десять лет назад снялась в фильме Шукшина «Печки-лавочки», сыграла сестру писателя. А теперь, когда и Василия Макаровича нет уж давно, в фильме «Праздники детства» сыграла мать Шукшина, Марию Сергеевну.

Он был совестливым писателем, Василий Шукшин, кажется, с каждым годом мы все лучше понимаем это. 25 июля ему было бы всего 53 года, восемь лет, как его нет на свете... Он под каждым в самом деле видел на метр в глубину. Вот выбрал же он ее на роль сестры... Как жаль, что ни сам Шукшин, ни Мария Сергеевна не видели «Праздники детства»... Односельчане, земляки, люди той же породы, как говорится, одной с ними крови, видели этот фильм — за них.

...В Сrostках было намечено два сеанса, детский и взрослый. Режиссерам Рените и Юрию Григорьевым было страшно: вдруг фильм не понравится? Вдруг профессиональный взгляд не совпадет со зрительским?

Вы видели «Праздники детства»? Сходите... Наверно, вы будете плакать, но слезы эти не растрывают, а утешат и будто бы очистят вашу душу. И будет вам после этого фильма хорошо, спокойно, светло. И мысли придут высокие. О том, что жизнь, как бы ни складывалась она, как бы ни была порой тяжела, — священна. О том, что родиться и жить на этой земле — счастье, ибо она прекрасна... Многие разбудит в вас фильм, всколыхнет, подымет. Вы иначе посмотрите на тех, кто рядом: как на близких, как на соотечественников. А это такой особенный, такой умный и чистый взгляд! Вы будто заново проживете свои буд-

РОДНАЯ

Татьяна ИВАНОВА

ни и праздники. Загадочная сила кино: оказывается, если посмотреть на нашу жизнь добрыми, талантливыми глазами, на нашу обыкновенную, ежедневную жизнь, — она удивительна. Она гармонична. Она исполнена красоты. Вот что такое «Праздник» детства».

Вы увидите мать маленького Васи Шукшина. И удивитесь: она так похожа на вашу маму. В чем сходство, вам сразу понять не удастся, но так похожа... Такое родное в ней, что от любви, жалости, нежности к ней ззщепит сердце.

Фильм получил Первый приз Всесоюзного кинофестиваля в Таллине, весной 1982 года. Награда высока. Но его создатели считают, что самую главную свою награду, выше которой нет, с которой живут и умирают, — самую высшую награду они получили в Сrostках.

...Зал заполнялся. Все места заняты. Все проходы заставлены стульями. Пошел фильм. Закончился. Тишина. Потом голоса: «Еще, еще раз, сначала». На каждом стуле сидят по двое, сидят на коленях друг у друга, сидят на полу. Ленту прокрутили пять раз подряд. С утра до поздней ночи люди не расходились.

Не будет разговора о кино — я не крикю. Будет разговор о том, как питает талант народная почва, какую прочную основу в жизни дает служитель искусства — будь он писатель, актер или музыкант — неразрывная связь со своими корнями, с национальными традициями, с родной землей. Собеседница — Людмила Зайцева — своим искусством дает отчетливый повод для этого разговора. Она ведь и в жизни — как Анна в «Строговы», как Мать в «Праздниках детства».

Она сейчас дома. Нигде не снимается, да и почти нигде не выходит. Только с коляской погуляет. В коляске маленькая Василиса, деточка, свет в окошке. Людмила собираетсся ехать с нею на родину, в Усть-Лабинск, к маме, Ольге Ильиничне. Все-таки дети на природе лучше растут. Людмила помнит свое детство в послевоенные годы, помнит и праздники его, и запахи, и звуки. И хотя — объективно, через годы, по современным понятиям — жилось им с мамой на хуторе очень нелегко, не было лет счастливее, чем годы с мамой, в родном доме.

— А если я когда-то забуду, откуда я родом... Забуду свою родину, крестьянскую, работающую... Свой дом... Если я когда-то это забуду, смогу жить без памяти — это будет моя духовная смерть.

— Вы не боитесь таких серьезных слов, Людмила, такой определенности...

— Нет, ничего не боюсь. Лет мне немало, все определилось, отстоялось.

— И главное — не забывать?

— Да. И не предавать. Ни в чем, никого, никогда. Нельзя, как говорится,

служить и богу, и мамоне. Что исповедуешь, то и надо играть.

— Но ведь вы такая актриса, Людмила. Мало ли у вас искушений... И разве не в том актерское счастье, чтобы в одной жизни прожить много жизней, чем больше, тем лучше, разных.

— Счастье у каждого свое. То, от чего один приходит в восторг, другого оставляет равнодушным. Посмотрите на все это (Людмила показывает незатейливую мебель, на чисто острюганную, явно самодельную скамеечку). Это Геннадий, муж мой, сделал все сам, своими руками. Мне кажется, что лучше ничего и быть не может. А кому-то покажется слишком просто. И, может, несвоевременно. И небогато...

— Вы говорите, Людмила, о счастье вообще. А я об актерском.

— А знаете, я не делю. Нет, не делю. У меня не делится. Ведь актер — человек, верно? Вот я думаю, что он всегда должен нести своим искусством и мастерством с экрана ту идею, которая ему всех дороже и ближе, то нравственное чувство, которое исповедует сердцем, ту мораль, которой стремится следовать в жизни. Не хочу играть героинь, которых не понимаю, которым не верю.

— Мария Сергеевна, мать Шукшина, у вас, Людмила, очень надежная...

— Хочется и мне в это верить... Василий Макарович и сам был человек, как вы сказали, надежный. От общения с ним, от его книг во мне поселилась уверенность, что и современный герой — на экране и в жизни — должен быть надежным, своим, узнаваемым. Не надо никому подражать, не надо перенимать чужого. У каждого народа своя история, свой национальный характер, свои обычаи, нравы, традиции — они самоценны, какими бы семимильными шагами ни шел прогресс... Взаимообогащение культур, взаимовлияние литератур, искусств в нашей дружной, многонациональной Советской стране, наши крепнущие связи с культурами других стран ничего этого не отменяют, самоценности родного, национального не снимают. Наоборот. Мария Сергеевна Шукшина — настоящая русская женщина, в ней черты наши, наш характер... Я хотела бы жить, как она.

— Объясните...

— Честно, строго, с любовью к людям, с милосердием... Знаете, есть такое слово, оно редко употребляется сейчас, не в ходу. А им все сказано, этим словом. Хорошие люди на Руси всегда стремились жить... Как?

— Праведно.

— Да. И детей так воспитывали... Хотя вот Мария Сергеевна, знаете, что говорила? «Меня вот спрашивают, как вы Васю воспитывали. А никак. Никак мы его не воспитывали. Мы просто жили».

— Очень простая и драгоценная мысль...

— Вот и я об этом, об этом же думаю. А недавно, знаете, по телевизору была передача: «Как избавить ребенка от застенчивости». Зачем?! Послушайте, зачем же избавлять ребенка от застенчивости? Ведь дело не в том только, что мы лишим его одной из обаятельных внешних черт. Мы поменяем его характер. Застенчивость — какая милая черта... У нас в доме живут две девочки-ровесницы. Одна — застенчивая. «Тетя Люда, мама прислала спросить, нет ли луку». А сама вся красная, руки не знает куда девать, смотрит в пол. Я ей: «Проходи». «Нет, нет, что вы, я тут побуду». Так и простоит у двери. А другая кричит на весь двор: «В нашем доме живет артистка Зайцева». Бывает, тоже придет «нет ли луку», но глаз не прячет, легко входит, не смущаясь, смотрит по сторонам: «Ой, какое на вас платье новое, красивое, где достали?» Что ж... Обе вырастут. И первая перестанет так легко, так ярко краснеть, узнает, куда девать руки. Но останется скромным, хорошим человеком. Вторая... Вторая так и будет легко входить, без усилий проходить, без труда переступать — и ничем не смутится. Нет, я свою Василису от застенчивости избавлять не буду, ни за что не буду...

— У вас дочка — и все мысли о ней. А роли? А кино? А сниматься?

— Знаете, посмотрю на свою Васю... Слава, роли, кино... Да пропади все пропадом, нет у меня ничего дороже. Она же не сможет без меня, я кормлю. А потом... Не так-то просто после «Праздников детства» взять роль. Уж очень всерьез все было у нас, очень чисто. Все судьбы — всерьез. Рассказать вам про Сrostки?

— Рассказать. Только сначала вы чуть-чуть про себя расскажите.

— Что ж... Родня у меня вся крестьянская, из бедноты, работаги. Первая я у них решила в Москву поехать. Да еще в актрисы! В Шукинское поступила... И вот ведь как странно судьба человека ведет. Я очень люблю театр... Но будто есть какое-то «указание свыше», чтобы мне не быть, не работать в театре. Мое актерское счастье в том, что есть кино. Понимаю? Я сыграла сестру Василия Шукшина в его фильме «Печки-лавочки». И не ведала, и не гадала, что через десять лет, когда уж давно и Василия Макаровича на свете не будет, окажусь опять в Сrostках, а они полны им...

— Я знаю, что там есть портрет актрисы Зайцевой, на котором она сама написала: «Навсегда ваша»...

— Это так, в самом деле. Год я прожила там. Жила и жила. Думаете, только снималась? Но разве так можно — сниматься и квартировать? Я привыкла быстро, ко мне привыкли. И за грибами ходила, и пола, и мыла, и на лавочке сидела... Между нами никогда не было стены, я не только себя имею в виду, всю съемочную группу. Мы сжились.

— Такое не может быть оттого, что вы настроились на близость. Я уверена, что дело в общей основе, в вашей памяти, в том, что для вас, Людмила, как и для большинства из нас, деревня — дом родительский, дом предков. Мы все из нее вышли. Потому наши души и успокаиваются близостью к родной природе, потому чувствуют себя так хорошо в деревне...

— Наверно... Было в мае однажды... Я поднялась на гору Бекет, и такая красота мне открылась! Вся деревня, Катунь передо мной, весенние поля, холмы, деревья. Стою на горе и плачу. Сережа Амосов подходит. В фильме — помните? — он мой сын. А на самом деле детдомовский, медвежонок сибирский. «Кого вы плачете-то. Кого?» Я говорю: «Умирать не хочется. Плечу от красоты».

Вот что такое земля родная...

И, конечно, основа моя там. Родила бы мальчишка — назвали бы Васей, в честь Шукшина. А девочку зовут Василисой, в честь моей бабушки. Моя бабушка Василиса рожала 23 раза. Родит в сенцах, в подоле в избу принесет — и за дела. Вот я откуда...

Когда домой приезжаю, родня собирается — застолье. Каждый день у них будни. Они пахнут землей, трудятся, не покладая рук. Я их праздник. Я из Москвы. Они меня по телевизору видят. Я их актриса, разве я обману, разве я впрямь забыть, кто я, откуда!..

— В «Праздниках детства» я восхитилась свадьбой Марии Сергеевны. Какой великолепный эпизод!

— Ну, а что эта свадьба значит для меня, можете себе представить. Ведь потом была точно такая же — настоящая. Мы с Геннадием Ворониным поженились. Вот и судите, могу ли я делить счастье — актерское и человеческое. Могу ли говорить: здесь кончается искусство, «кино», а здесь начинается жизнь... После счастья работы с Шукшиным, на его родине, с его односельчанами, с его единомышленниками и друзьями Ренитой и Юрием Григорьевыми, после того, как великая душа русского писателя стала родной мне душой, — нет, не могу, не умею...